

Хамелеон

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

Так ты кусаться, окаянная? слышит вдруг Очумелов. Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: Не пущай! Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

Никак беспорядок, ваше благородие!.. говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: Ужо я сорву с тебя, шельма! да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопыбив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

По какому это случаю тут? спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... начинает Хрюкин, кашляя в кулак. Насчет дров с Митрий Митричем, и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

Гм!.. Хорошо... говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что

значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, обращается надзиратель к городовому, узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

Это, кажись, генерала Жигалова! кричит кто-то из толпы.

Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? обращается Очумелов к Хрюкину. Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

Врешь кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пущай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

Не рассуждать!

Нет, это не генеральская... глубокомысленно замечает городской. У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

Ты это верно знаешь?

Верно, ваше благородие...

Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

А может быть, и генеральская... думает вслух городской. На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

Вестимо, генеральская! говорит голос из толпы.

Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло...

Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда!

Погляди на собаку... Ваша?

Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

И спрашивать тут долго нечего, говорит Очумелов. Она бродячая! Нечего тут

долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

Это не наша, продолжает Прохор. Это генералова брата, что намеренсь приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. Ишь ты, господи! А я и не знал!

Погостить приехали?

В гости...

Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая...

Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

Я еще доберусь до тебя! грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.